

КАРИНА
ДЕМИНА

КАРИНА
ДЕМИНА

ПО ТУ СТОРОНУ
ЖИЗНИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление – *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке – *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 По ту сторону жизни : [роман] / Карина Демина. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 480 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-113400-6

Если вас вернули в мир живых, значит, это кому-то нужно. Во всяком случае, у меня самой не было ни малейших причин воскресать. Впрочем, жаловаться я тоже не собираюсь, хотя родственники, уже поделившие мое состояние, возвращению не обрадовались. И не только они. Мое воскрешение милостью Плясуньи, покровительствующей нашему роду, неожиданно затронуло слишком многих. В числе их и давний враг нашего рода, почти истребивший его, и члены таинственной секты «Черного лотоса», проповедующей право сильных убивать, и даже древние такхары, желающие извести всех, кто поклоняется моей богине.

И что мне делать?

Смириться с нынешним моим состоянием.

Выжить.

Найти и наказать виновных, исполняя божественную волю. А дальше... будет видно.

И не мне одной.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113400-6

© К. Демина, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

... ГЛАВА 1 ...

Воскрешение — процесс долгий, это я не только осознала, но и прочувствовала сполна. В первый день сознание возвращалось рывками. Даже не сознание, а скорее способность воспринимать происходящее...

Окно в спальне небрежно завешено темной тканью.

Кто-то с кем-то шепотом спорит, что гроб из белого дуба — это непозволительная роскошь. Наверняка тетушка Фелиция, которая и в прежние-то времена славилась редкостным скупердяйством. Помнится, она в гостях сахару в чай вдвое больше клала, нежели дома...

Песни заунывные и невпопад.

То ли тетушка взяла дело моих похорон в собственные руки и плакальщиц наняла самых дешевых, то ли пели они уже давно и изрядно успели подустать, главное, голоса их звенящие раздражали куда более прикосновений. Их я тоже ощущала.

Вот чьи-то ручки обшаривают платье — белое, свадебное, кто ж знал, что и вправду пригодится, как по мне, на редкость глупый обычай, — норовя добраться до жемчужных пуговок. И тетушка Нинелия сопит, ибо ростом она мала, а позвать кого-то совесть мешает. Или жадность?

Я не определилась.

Главное, что в следующее возвращение ясно поняла — пуговицы заменили. Даже не так, просто срезали, а рукава прихватили на живую нитку. Со стороны вовсе незаметно... а так... куда мне ходить?

Кто ж знал, что я воскресну?

Явление это не то чтобы вовсе невозможное, особенно в семье, прапрадед которой умудрился и себя и всех потомков своих посвятить Плясунье, — подозреваю, досталось ему от родственников знатно, — но последний подобный случай был отмечен лет этак двести тому... из достоверных.

Пятка чесалась. И туфли слетели.

Купили в магазине подходящие, бумажные. Помнится, та же тетушка Нинелия в прошлый свой визит очень подробно объясняла, что у мертвецов ноги отекают, а потому обычными туфлями никак не воспользуешься...

Тетушка держала небольшую похоронную контору. Интересно, сделала мне скидку или, напротив, навернула процентов сорок-пятьдесят сверху, рассчитывая, что наследство покроет?

О нем они большей частью и говорили. Рядились, оставила ли я завещание, а если и так, то получится его оспорить? Зная меня, родственнички ничего хорошего не ждали, оно и верно, если бы я планировала умереть и озаботилась завещанием, им бы достался кукиш. Возможно, с маслом.

А так... непредусмотрительно, конечно, но в двадцать пять лет о брэнном и вопросах, связанных с переходом в мир иной, как-то не задумываешься.

Может, я потому и воскресла?

Кто знает... Дедушка, будь он жив, несомненно, сумел бы объяснить, но он отошел в чертоги покровительницы нашей еще тринадцать лет тому, прихватив заодно и моих родителей, — эксперименты над темной материей крайне опасны. Я же осталась на попечение бабушки и многочисленной родни, горевшей желанием пригреть сиротку. Благо характер у бабули был кремь, даром, что ли, ведьма темная потомственная. Главное, что родне она скрутила жирную фигу, а мне, по всеобщему мнению, изрядно испортила характер. Это они зря, он у меня от рождения был не самым лучшим.

А бабуля...

Она любила деда, пусть и ругалась на него... додумался работать на открытом полигоне... упустил, недосмотрел... главное, ушел раньше, а обещал, мол, в один день. И когда бабуля поняла, что я вполне способна справиться своими силами, она ушла. Тихо. Во сне.

Вот тут-то родня и зашевелилась... Как же, шестнадцатилетняя кроха и одна в большом темном доме. Ей, небось, страшно и неудобно, и вообще, пусть она кроха согласно эдикту и считается совершеннолетней, а также имеет полное право распоряжаться имуществом, всем же очевидно, что это издержки прошлого. Современные дети взрослеют позже, а девочкам, даже очень хорошеньким, семейные состояния доверять нельзя...

Достали они меня своей опекой и требованиями подписать генеральную доверенность преизрядно. А потому родню я выставила. Не без помощи адвокатов, благо Аарон Маркович дело свое знал, да и клятва его признала меня истинной наследницей... и понеслось.

Приглашения на чай. Визиты в гости... особенно тетушка Фелиция старалась, которая была не просто теткой, но двоюродной и в запасе имела двоих сыновей весьма смазливой наружности и подходящего характера. То есть ей казалось, что если мальчики слушают маму, то подходят мне, глупенькой... а что я своего счастья не разумею, на то и приворотные имеются.

Правда, когда я напоила таковым Юстасика, тетушка устроила скандал. Я пригрозила расследованием и полным отлучением от финансовых потоков, была обозвана бессердечной стервой и...

А не они ли меня отравили?

У тетушки Фелиции лавка, правда, не знаю, чем они там торгуют, но своих кузенов я имела возможность созерцать в игровом доме, да и не только там. Все же Дьюстерештадт, как ни крути, пусть и осененный благодатью короны — кто бы еще объяснил, в чем она проявляется, — городок маленький. В нем сложно не пересечься, особенно людям, ищущим, где бы потратить деньги. И сомневаюсь, что лавка тетушки Фелиции приносит доход, которого бы хватило на веселую ночь в «Зеленом петухе».

Или не она? Не то чтобы я вовсе отвергала эту возможность, духу у тетушки, невзирая на всю ее набожность и грамоту, врученную в прошлом году советом как самой благочестивой особе пресветлого Салецкого прихода, хватит... а вот с возможностью сложнее.

После того скандала она в гости не заглядывала. Да и я наносить визиты не стремилась. С кузенами мы пересекались, но делали вид, что друг с другом не знакомы. Согласитесь, отравить кого-то на расстоянии довольно сложно. Не говорю, что вовсе невозможно, но... тетушка не особо умна, а кузены и вовсе.

Нет, это не они...

Самое противное, что я совершенно ясно осознавала, что мертва, но в то же время не могла вспомнить, как это произошло.

Болезнь? Наверное, я бы запомнила. Несчастный случай? Убийство... но чужих здесь нет, а если бы меня убили, рассле-

дование проводилось бы. В этом случае присутствие штатного мага на похоронах обязательно, не говоря уже о некромантах. Скоропостижная кончина? Меня определенно не вскрывали... значит, все-таки несчастный случай. Обидно.

На третий день, когда тело мое вместе с гробом — все-таки не белый дуб и вовсе не дуб, но обыкновенная подкрашенная сосна, которую изнутри даже не потрудились почистить от заусениц, — спустили в склеп, ко мне вернулась способность видеть.

Причем в кромешной темноте. Оно и понятно, на кого в склепе световые шары тратить?

Крышку заколачивать не стали, спасибо Кхари за традиции, которые я только теперь смогла оценить в полной мере. Не думаю, что мне бы понравилась кремация, а ведь дядюшка Фердинанд о ней упомянул. Вскользь, конечно... мол, на Островах принято... избавляет от многих проблем... да, он провел на Островах двадцать лет, но это еще не повод тащить сюда все благоприобретенные дурные привычки.

Тетушка Фелиция отвергла предложение с гневом, о чем, подозреваю, она не единожды еще пожалеет... дайте только встать в полной мере. Пока же я лежала тихо, радуясь, что была единственной одаренной в нашем захиревшем роду. Как-то вот... очень сомнительно, что родственники обрадуются моему возвращению. А с ним и факту, что наследство ускользнет...

У Нинелии дочь. От первого брака. Если подумать, то она к нашему роду относится весьма условно. Будучи родной сестрой моей матушки, Нинелия в свои шестнадцать сбежала из дому, дабы сочетаться браком с личностью подозрительной, которая затем проявила себя во всей красе, оказавшись четырежды многоженцем, мошенником и беглым каторжником, что уж ни в какие ворота не лезло. Это мне бабушка рассказала, чтобы я не слишком близко принимала к сердцу тетушкины стенания о моей недостаточной религиозности. Мол, сама нагулялась, а теперь готова лоб о храмовые плиты разбить, демонстрируя Светозарному рвение.

Ага...

Второй раз она вышла замуж благодаря матушке, вернее, немалой сумме, которую положили в приданое. И подозреваю, что тот мужичок болезного вида, которого я встречала то ли дважды, то ли трижды, не слишком-то устраивал ее в роли мужа, но выбора, как говорится, не было...

А ведь он тоже скончался в прошлом году. Скоропостижно. И тетушка запретила вскрытие, а ее репутации идеальной прихожанки хватило, чтобы отвести всякие подозрения. Правда, штатный некромант все равно на похоронах присутствовал, породив изрядно сплетен, которые, подозреваю, крепко репутацию подпортили...

Нет, одно дело мелкий торговец и совсем другое — последняя из рода Вирхдаммтервег.

Хотелось бы думать, что к моей смерти отнеслись серьезней...

— Как живая... — Этот голос принадлежал дядюшке Мортимеру, который с виду был личностью на редкость безобидной. Лысоватый толстячок с пухлыми щечками. Мне всегда хотелось за эти щечки ущипнуть, но...

Дядюшка был известным в городе ростовщиком. И репутацию в определенных кругах имел такую, что связываться с ним рисковали лишь в самых безнадежных случаях.

Этот бы, пожалуй, смог и яду плеснуть или нанять пару-другую молодцев, чтобы проучить зазнавшуюся девчонку, как пару лет тому назад, когда я, не выбирая выражений, выставляла его из дому.

Не люблю лицемеров.

А та парочка... доказать ничего не вышло. Мне еще повезло, что нестабильная моя сила — а дядюшка знал об этом маленьком недостатке, помешавшем получить мне нормальное образование, — соизволила очнуться и прийти на помощь.

От тех двоих осталась кучка праха.

А мне пришлось полгода посещать участок, доказывая, что в действиях моих не было злого умысла. И подозреваю, что эта внезапная пристрастность — к ведьмам в обществе отнеслись с пониманием — тоже была следствием дядюшкиных стараний.

А теперь? Мы давненько не пересекались. Он предпочитал держаться в тени, играя в примерного семьянина... Правда, четвертая жена его была моложе меня, а куда подевались предыдущие три, не знал никто, но это еще не повод подозревать такого милого человека в дурном.

Тем более в тот раз мы друг друга поняли. Или, скорее, ощутив на своей шее жгут отсроченного проклятья, дядюшка счел за лучшее не связываться...

Нашел способ снять? Или... если жив, то он к моей смерти отношения не имеет.

— Не понимаю, зачем это все, — тетушка Нинелия поежилась и поспешила запахнуть манто.

Норковое. Мое. Из последней коллекции, которое я и примерить не успела... вот же, добралась до гардероба. И не она одна, если Фелиция манто не содрала. А кухня моя бледная жемчуга нацепила. Это еще ладно, жемчуга я никогда не любила, но все равно обидно. Может, я их на благотворительность отписала.

Следовало бы.

— Обычай... — Дядюшка погладил по ручке хрупкую свою женушку, которая производила впечатление слегка блаженной. Стоит. Улыбается. Взгляд отрешенный... и течение жизненных потоков нарушено.

А вот, кажется, и отгадка. Дядюшка их пьет.

То-то он всегда бодр и весел, и здоровьем своим прихвастнуть любит... ай, до чего нехорошо. И незаконно, если подумать...

Почему никто не заметил? Не обратили внимания? Или... поговаривают, что дядюшка мой когда-то крепко выручил нынешнего начальника жандармерии, и тот преисполнился благодарности, но не настолько же... или... зрение мое было немного странноватым, расплывчатым. Я не видела лиц, точнее, воспринимала их этакими белесыми пятнами, а вот энергия — дело другое... Вот это синее пятно, вызывающее дрожь и частично рассеивающее потоки, не амулет ли?

— Все равно это глупо, торчать здесь семь дней, — проворчала тетушка.

— Полтора миллиона марок на четверых — достаточный повод...

Несколько больше, что бы они себе ни думали, но с семейным состоянием я управлялась вполне прилично, за последние годы изрядно его приумножив. И тем обиднее отдавать будет этим...

Обойдутся.

— На четверых, — тетушка Фелиция не стала скрывать раздражения. — В конце концов, я не понимаю, почему мы должны делить на четверых...

Я тоже.

Мое состояние останется со мной, ибо согласно Кодексу вернувшиеся силой Кхари уравнивались в правах с живыми и, что гораздо актуальнее в моем положении, наследовали собственное имущество...

— ...в ней нет нашей крови...

Тетушка Нинелия поджала губы и сложенными щепотью пальцами коснулась лба, мол, прощаю тебе подобные речи и помыслы мои светлы...

Эти двое всегда друг друга тихо ненавидели. Слишком уж похожи были.

— В книге есть запись, — отступать Нинелия не собиралась, что весьма разумно, поскольку одно дело меха, а другое — больше четверти миллиона марок, которых хватило бы, чтобы выдать мою дебелую кузинушку замуж, да и на домик у моря осталось бы.

— Твой брат, Морти, совершил очередную глупость, а мы должны мириться... — Фелиция поправила белые розы, которые поставили у моего гроба. Вот тоже странность, я прекрасно вижу, что цветы ненастоящие, наверняка взяты в конторе Нинелии и на своем веку, весьма, подозреваю, немало, видели не одни похороны.

Все-таки скупая у меня родня. Могли бы и свежих срезать...

— Не обязательно, не обязательно... — Голос моего дядюшки источал мед.

Зато теперь понятно, почему у него детей нет. И не в невезении дело, а в том, что беременность требует хорошего запаса жизненных сил, а они все на кормление дядюшки уходят.

Ничего. Вот воскресну окончательно, тогда и поговорим... не то, чтобы я такая уж поборница справедливости и закон блюду, но есть вещи, на которые нельзя закрывать глаза.

Мои закрыты.

Я только сейчас это сполна осознала. Труп с открытыми глазами внушал бы определенное подозрение, да и не по обычаю это... главное, что, кажется, еще и воском залили. Нет, что-то там такое тетушка рассказывала, но мне это представлялось выдумкой. А на деле... если этот их воск с ресницами отдирать придется, я им всем...

— В суд подам! — взвизгнула Нинелия, почуяв, что долгожданное наследство может пройти мимо.

Это они еще все не знают...

— Дорогая, зачем нам суд? — Дядюшка переместился поближе. — Ты же прекрасно понимаешь, что эти деньги принадлежат семье... и должны в семье остаться...

Ага, только сам он об этой семье вспоминал, исключительно когда возникала необходимость взять займы. Правда, случалось это задолго до моего рождения, ибо позже дядя

кардинально пересмотрел жизненную позицию, предпочитая деньги копить, нежели тратить, но...

— Есть закон...

И закон на стороне Нинелии. В родовую книгу ее внесли, причем вместе с дочерью, ибо тогда над ней еще довлело клеймо незаконнорожденности, а следовательно, в род приняли со всеми вытекающими последствиями. Уж не знаю, с чего это дедушка так расщедрился, обычно он проявлял куда больше здравого смысла.

— А есть правда... ты женщина благоразумная... ты не хочешь проблем...

Он потянул Нинелию за собой, а до меня донеслось:

— ...ты же понимаешь, что в этой жизни все неоднозначно, и бывает, что сиюминутная выгода приносит...

Интересно, а к ней он кого подошел?

Все-таки мерзкие существа, мои родственники. Тетушка Фелиция пробормотала что-то, и отнюдь не молитву, помянув и меня, и матушку мою, которая чем-то ей насолила, поправила грязные розы и удалилась, оставив меня наедине с дядюшкой Фердинандом.

Вот уж кого я не понимала. Точнее... мы встречались дважды. Первый раз, когда он вернулся на родину и наносил череду обязательных визитов, являя себя обществу, — тогда мы очень нудно и без малейшего удовольствия пили чай, беседуя о погоде. А второй, когда я, поддавшись любопытству, отправилась на его лекцию, посвященную особенностям островной магии.

Было интересно. Очень.

Если бы дядюшка еще не полагал женщин существами низкими, неспособными к мышлению и вообще к самостоятельной жизни, мы бы, пожалуй, подружились. Но на меня он смотрел с недоумением, явно не понимая, как вышло, что особа столь сомнительных интеллектуальных качеств оказалась во главе рода.

Если бы дядюшка был магом, если хотя бы спящим даром обладал, он бы, несомненно, сделал все, чтобы восстановить справедливость, но... боги явно были против.

С божьей волей спорить бессмысленно, но и любить меня он не был обязан.

— Интересно, — сказал дядюшка, склонившись над гробом. А я ощутила запах сигар и бальзамической жидкости. — Очень интересно... надеюсь, дорогая племянница, вы не станете затягивать...

Он поправил галстук.

— ...хватает, знаете ли, своих дел...

Догадался? Понял?

Но... главное, вмешиваться не станет... а ведь мог бы... я сейчас беспомощна, достаточно отрубить голову и... не стоит думать о грустном. Я уже мертва, а второй раз умереть, конечно, обидно, но и только.

Меня оставили в тишине.

...☀️ ГЛАВА 2 ☀️...

Склеп... Я заглядывала сюда раньше.

День рождения матушки и белые камелии. Бабушка предпочитала азалии. А дед вообще цветов терпеть не мог. Ему я приносила солодовый виски, лед и свежую газету. Мало ли... я бы вот сейчас от свежей газеты не отказалась, все не так то-скливо лежать.

Надеюсь, за прошедшие дни рынок акций не рухнул, а Южная Колониальная приросла за счет монополии на какао-бобы, которую им удалось пропихнуть, уж не знаю, какой ценой, строительство канала продолжается, а Ферейская компания наладила поставки чая... Надо было бы прикупить еще акций Мальтийского союза. В последний год они хорошо прибавили для молодой компании, которая только-только влезла в колониальную торговлю, умудрившись отхватить себе неплохой кусок ее. Полагаю, во многом благодаря родственным связям основателя ее с французской короной. Конечно, родство это отрицали, но... знающему довольно портретов — горбатый нос и вялый подбородок подделать куда сложнее, чем родословную...

Тоска... И ни души... Оно и логично, что им здесь делать? Ушли на перерождение, поскольку, помнится, даже звезда некромантов не сумела докричаться до деда. А может, и докричалась, но была послана в полном составе... никто так и не понял, что тогда произошло.

Эксперимент с темной материей, чтоб его...

Но какой? И почему проводили его на полигоне открытого типа? Куда смотрела служба безопасности?

Лабораторию, помнится, тогда не просто зачистили от бумаг, они и панели сняли, и стены бы вынесли, не будь эти стены частью дома. Кажется, мы с бабушкой тогда вынуж-

дены были переехать в городскую квартиру, и теперь я понимаю, что не по собственному желанию, но...

Что бы там ни нашли, это было объявлено государственной тайной, похоронено и забыто. А мне, когда возникло желание понять, что же, собственно говоря, произошло, ибо весьма сомнительной показалась версия, что два опытных некроманта и темная ведьма допустили одну ошибку, которая и привела к выбросу — было настоятельно рекомендовано не лезть в дела, слишком сложные для разума девичьего.

Я отступила. Зря.

Вот... есть у меня ощущение, что воскресла я не просто так.

Все равно тоска. Тело мертвое, неудобное. Я попыталась пошевелить пальцем... и кажется, получилось. Мизинец дернулся и, видят боги, это было неприятно. Боль? Отнюдь, скорее ощущение, что кожа вот-вот треснет, а мышцы рассыплются прахом. Я их ощущала вполне явственно.

Надеюсь, временное явление...

А склеп, оказывается, преинтересное местечко. Раньше как-то вот не обращала внимания, а... ладно, то что находится он не на кладбище, как принято, а в катакомбах под домом, еще можно объяснить странностями владельцев, но почему круглый?

В центре возвышение, на которое полагалось ставить гроб с мертвецом...

От отца, деда и мамы почти ничего не осталось, но бабушка, помню, много ругалась с кем-то... обычай... правила... души не найдут успокоения... Мы потом спустились к этому постаменту, и я прекрасно помню три закрытых гроба, которые с трудом вместились на один камень.

Свечи вокруг.

Бабушка сама их расставляла, а я помогала. Помню теплый воск, который льнул к пальцам, и горьковатый привкус дыма. Свое желание уйти...

Мне свечей не поставили.

Конечно, это ведь в родовой книге не написано, а значит, утруждаться не стоит.

Я вздохнула... и задышала. И вновь же ощущение не самое приятное, будто что-то внутри раздирается, расплзается по кускам. Сердце ухнуло и застыло. Вновь дернулось. Забилось, но гораздо медленней, чем у живых. Тяжелее.

А вместо крови у меня, получается, энергонасыщенная плазма...

Стало теплее. По ощущениям, а на потолке проявился узор. Нет, он всегда там был, завитки и линии, в которых прятались твари удивительного, а порой и уродливого вида. Но теперь стало очевидно, что этот рисунок был призван скрыть иной, настоящий.

Идеальная шестиугольная звезда.

Старые руны, которые вспыхивали одна за другой, заставляя нити силы тянуться, складываясь в огромную печать. Она была мне знакома. Да и любому, кто когда-либо давал себе труд заглянуть в храм Плясуны, но... эта печать несколько отличалась.

Она была... полнее?

Логичней?

А мое тело наполнялось силой. Легкой и звенящей, свежей, что вода в ручье... это было, пожалуй, больно. И еще невероятно. И... невозможно?

Нити силы уходили в пол, на котором, отражением верхней, появлялась другая печать. Она отличалась лишь парой символов. И те были мне неизвестны, хотя, видит покровительница нашего рода, в том, что касалось науки, я была куда как усердна...

Забытые знаки.

Запрещенные?

Та ли легендарная потерянная сила, некогда возвысившая Империю над другими странами? Если так, то неудивительно, что ее спрятали среди других узоров.

Дышать стало легче, пусть и дыхание это было менее глубоким, чем у живых. Зато я смогла пошевелить рукой... и второй тоже... и почти приготовилась сесть в гробу, когда дверь хлопнула.

К счастью, на рисунок силы это несколько не повлияло. Линии, дрогнувшие было, выпрямились, а вливавшийся в меня поток не ослабел. Тело мое медленно, но верно изменялось под действием этой силы, мне же оставалось расслабиться и представить, что я все-таки мертва. А то мало ли...

— Ты уверен? — не узнать блеющий голосок кузины было невозможно.

Честно говоря, мы с ней не слишком ладили.

Да и как... она была тихой. Смирной. И незаметной, но при этом обладала удивительнейшей способностью раздражать одним фактом своего существования. Стоило вспомнить потупленные глазки и шепоток, которым она отвечала на чужие вопросы, как меня передернуло.